

Я СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

● Встречи по вашей просьбе

Дойти до сердца

Рассказывает поэт Римма КАЗАКОВА



Первые стихи Риммы Казаковой появились в 1955 году в журнале «Дальний Восток», а первая ее книжка вышла тремя годами позже. Могло случиться, что тоненький сборник затерялся бы среди издаваемой поэтической продукции. Однако имя молодого поэта не осталось достойным избранных почитателей. Творчество Риммы Казаковой сегодня известно многим тысячам любителей поэзии.

О чем бы она ни писала — о материнстве, о природе, о войне, — в каждой строке — неожиданная свежесть образа и слова, глубокие чувства и мысль. Читать ее не только эстетическое удовольствие, но и чисто человеческая радость — так свободно дышится в ее поэтической строке, так светло думается, так высоко печалится.

По просьбе читателей наш корреспондент Людмила Шаменкова встретила с поэтессой Риммой КАЗАКОВОЙ.

— Римма Федоровна, какой вопрос задали бы вы на моем месте поэту Римме Казаковой?

— Я всегда живу тем, чем живу сейчас. Не в том смысле, что для меня нет ни прошлого, ни будущего, но настоящее для меня важнее всего. Встретилась с университетскими друзьями, оказывается, для них лучшие годы те, которые прошли. Для меня почему-то не так. Я, конечно, чего-то жду от будущего, но самое интересное для меня — настоящее. Бывают в жизни такие моменты, когда ты, как засыхающая ветка, токи в тебе медленно движутся, как-то скучно становится, бесперспективно. Иногда человек в этом сам виноват, иногда повинны обстоятельства. Но в любом случае человеческая душа должна

остаться живой, выпростать себя и из запутанных обстоятельств, и из сложностей, нередко придуманных... Поэтому для меня и был бы интересен вопрос: что сегодняшний человек делает, чем теперь живет?

— Так чем вы живете сейчас?

— Сейчас — ожиданием новой книги, которая должна выйти в начале будущего года. Мне часто говорят друзья, что в каждой следующей книге я не такая, как в предыдущей. Меня это, в общем, радует, хотя, конечно, очень трудно без конца «менять кожу», паруса, оперенье. Вот я и жду, и сама хочу посмотреть на себя уже зрелую, много повидавшую, много узнавшую, на себя, которая хочет оставаться живым человеком. Но это интересно, и не только для автора, думаю, и для читателя. Я сейчас много пишу. Счастливые состояния, а бывают периоды, когда не пишется. Правда, уже не относясь к этому панически, как в юности, когда казалось, что все кончено, «закрылось» и никогда ничего больше не будет. Сейчас понимаешь, что главное — накапливать. Вообще потенциал, по моему опыту, должен быть гораздо больше, во много раз больше, чем то, что выплескивается. Только тогда выплеск может быть хоть минимально интересен читателю.

— В ваших стихах, кстати, довольно часто встречается слово «накопительство». Что подразумевает под этим — не в житейском плане, а в творческом?

— Бывает очень трудно провести грань между тем, как человек живет и как творит. Сама я всегда старалась жить по законам минимальных потребностей. У меня даже есть стихи: «Я к малому приучена, как зимний воробей». Надо сказать, что эта «малость», воспитанная с детства, в трудные годы лишений и нехваток, очень пригодилась впоследствии. Когда человеку много дано, когда он начинает, что называется, не брать, а хапать, наступает сытость.

Вот когда мы слегка голодными встаем из-за стола, это полезно для здоровья. Легкий голод по отношению к тому, что вокруг нас, тоже необходим. Одна моя знакомая, которая занимается йогой, правильно заметила, что у нас много групп здоровья большое внимание уделяют телосохранению. Это, конечно, хорошо, но почему-то мало у нас занимаются душеосохранением. А ведь каждый человек должен стремиться к тому, чтобы и душу держать в каком-то режиме.

Правильно сказал Юрий Владимирович Андропов на встрече с ветеранами, что только духовное богатство безгранично. Голод помогает накапливать — накапливать знания, наращивать мощь чувств. Есть вещи постоянные, вечные в этом мире: сознание долга по отношению к

детям и к старикам, чувство любви к земле, к родной стране, к друзьям, к близким людям. Вообще к человеку, к человечеству, к природе, к цветам. В общем, это вроде бы абстрактно, но если дать душе участвовать самой в любви к этому в той мере, в какой она может, то окажется, что это очень плодотворно и хорошо.

— Выходит, творчество невозможно без соблюдения режима, необходимого для саморазвития и самовоспитания?

— Опыт не товар, который можно купить в магазине. Иногда человек годами что-то в себе накапливает. Например, эмоциональную грамотность, не разрешающую поступать бес тактно, огорчать, обижать кого-то. Заболоцкий писал: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь...». Ну а вещи, что же... Недавно еду в такси, рядом в собственной машине — новенькая, ухоженная — едет женщина. Она молода, красива. Красивые волосы, красивое, но очень злое лицо. Едет и нервно курит. И я подумала: «Кажется, эта женщина несчастлива. Видимо, все у нее есть... Даже машина. Но только один материальный достаток никогда не делал человека подлинно счастливым». Научиться быть счастливым — не так просто... Это тоже труд.

— Вы утверждаете, что поэзия — «мужичье дело». В какой степени женщине-поэту необходимо мужественность?

— Я утверждала это, когда мне было немногим более двадцати. Теперь я этого не утверждаю. В мире многое изменилось. Дела, которые должны выполняться и выполнялись мужчинами, теперь делают женщины. И наоборот. Социологи, наверное, еще займутся изучением этой проблемы. Говоря: «мужичье дело», я подразумевала трудность. Любое дело как следует, на совесть, делать трудно. Трудна высота задачи. В широком, большом смысле слова поэзия — это действительно трудное человеческое деяние.

В юности многое делаешь, не замечая трудности. Стихи писались от желания высказать себя. Но с возрастом это естественное желание перерастает в задачу — воспитывать. Поэты — вербовщики за свою идею. Если ты знаешь, как должно быть, стараешься, чтобы и люди в это поверили.

— Становление поэта, наверное, невозможно без счастливых удач, без помощи окружающих, учителей.

— В моей жизни было много взлетов и падений. Я помню вечера, где, предположим, моих коллег воспринимали прекрасно, а меня никак. Я переживала горчайшие моменты, не верила в себя. Были и фантастические взлеты... И тогда я говорила себе: не надо... я боюсь, когда слишком хорошо. В сущности, в основе того, что мы делаем, лежит работа. А понятия «удача — неудача» условно-относительные. Сегодня удача, а завтра неудача. Неважно, чтобы хлопали, неважно, чтобы отметили, но важно, чтобы до человеческого сердца дошло.

Вот я себе такую задачу ставила, и в этом смысле у меня были удачи. Я сужу по письмам людей, по откликам, которые ко мне приходят. Пожилая пара

(оба инженеры) написала: когда мы прочитали ваши стихи о сыне «не надо славы, почестей, — ах, просто б жизнь текла. Сынок февральской почечкой ждет моего тепла». — то мы вам поверили, как поэту поверили. Все-раз поняли: вот самый великий смысл жизни».

Я была растрогана этим письмом и подумала: да, действительно, человек ищет оправдания своей жизни. Иногда поэту удается найти что-то такое, от чего человек становится счастливым. И это самое главное.

Я очень благодарна людям, которые мне поверили в начале моего творческого пути. Это Твардовский, Симонов, Смеляков, Светлов, Луконин, Орлов. Мои литературные учителя. Когда я спросила Луконина, почему он обратил внимание на мои первые, довольно слабые стихи, он ответил: «Почувствовал в тебе характер, понял, что тебе есть что сказать людям». Меня его вера очень поддерживала.

Восемь лет я прожила на Дальнем Востоке. Там сложился характер. А как говорили мои учителя, основа характера — начало судьбы.

— Вот вы говорите: характер. Нелегко, наверное, его удерживать, не позволить его изменить обстоятельствам жизни?

— Да, конечно. Я, например, часто была недовольна своим характером, страдала из-за него. Было бы, наверное, легче жить, если его изменить. Но изменить, оказывается, так же трудно, как удерживать. Человек, в общем-то, верен себе. А поэт просто обязан сохранить эту верность себе, своим принципам, чтобы иметь право говорить с людьми, а не играть словами. Характер становится со временем чем-то большим, чем ты сам. Общественным деянием. Долгом.

— По отношению к молодым — тоже?

— Да. Очень трудно сейчас молодым. Их много. И, может быть, поэтому на всех не хватает любви. А она, любовь, им очень нужна. Поверить, обласкать, дать какой-то толчок — это дело и профессиональное, и нравственное. В поэзии сейчас появляется много новых имен, я лично причастна к таким молодым, как Ольга Чугай, Любовь Воропаева, Александр Зорин, Николай Дмитриев, Александр Щуплов, Андрей Чернов, Валерий Капралов, Юлия Немировская и другие. Рождаются новые тенденции в поэзии, новые формы. Это нормально. Но я все-таки убеждена, что русская поэзия должна быть эмоциональной, и даже «старомодная сюжетность», которая ей присуща, пока еще себя не изжила.

В поэзии есть вещи, которые время не уничтожает: любовь, верность, порядочность, человечность. Форму в отрыве от чувства я никогда не ищу. Слова Лермонтова «На мысли дышащие силой, как жемчуг нисходят слова» — для меня основополагающие. Перед собой я ставлю одну задачу: надо жить с полным размахом, только тогда, надеюсь, удастся пером что-то такое найти, что будет интересно и для людей.

— Многие ваши стихи, например о сыне, воспринимаются читателями как что-то близкое, он, как живой, «лопушок безбровый». Каков он сейчас?

— Это, конечно, далеко не символическая фигура. Это обыкновенный мальчик. Он вырос, ему сейчас двадцать один год. Студент Литературного института, пытается писать прозу.

— Вам близка тема материнства, а тема мира?

— Я считаю, что мало желать мира, надо за него бороться. Долг каждого человека на земле делать все, что в его силах, чтобы биение сердца человечества никогда не прекращалось. Как член Советского комитета защиты мира я много езжу, выступаю на митингах, делаю все, что могу, вербую сердца на дело защиты жизни.